

Военно-Осетинская дорога¹⁾.

Съ тѣхъ поръ какъ удешевленный тарифъ уничтожилъ для людей со среднимъ достаткомъ громадность разстояній нашего отечества, Кавказъ все чаще и чаще дѣлается цѣлью экскурсій туристовъ и учащейся молодежи, обѣщая въ ближайшемъ будущемъ сдѣлаться для русскихъ людей тѣмъ, чѣмъ стали Альпы для нѣмцевъ и англичанъ или Пиринеи для французовъ. Его ущелья еще недавно были доступны лишь для изслѣдователей, посылаемыхъ учеными обществами, и странствія по этимъ ущельямъ описывались какъ геройскіе подвиги. Когда 9 лѣтъ тому назадъ я впервые поднималъ вопросъ на съѣздѣ естествоиспытателей въ Петербургѣ о необходимости для студентовъ-естественниковъ образовательныхъ экскурсій на Кавказъ, многіе изъ моихъ коллегъ встрѣтили предложеніе мое съ большимъ недовѣріемъ и скептицизмомъ, обѣщая мнѣ если не смертные случаи, то увѣчья и рядъ злключеній съ моими экскурсантами. Но съ тѣхъ поръ прошло 9 лѣтъ; за исключеніемъ годовъ, проведенныхъ въ заграничныхъ путешествіяхъ, я почти каждое лѣто дѣлалъ такія экскурсіи со студентами харьковского университета и могу констатировать фактъ, что за 7 такихъ экскурсій—несмотря на крайне разнообразный составъ, большую изнѣженность и малую дисциплину многихъ изъ экскурсировавшихъ—у насъ не было ни одного несчастнаго случая или непріятнаго столкновенія. Что-жъ удивительнаго поэтому, что нашъ примѣръ нашелъ подражателей и въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, и не разъ уже появлялись замѣтки, что гимназисты или реалисты такого-то училища отправлялись на Кавказъ подъ руководствомъ того или другого изъ своихъ преподавателей. Конечно, эти образовательныя поѣздки ограничивались пока военно-грузинскою дорогою, Тифлисомъ и Баку или Батумомъ, нося чисто туристскій характеръ, однако, ихъ нельзя не привѣтствовать, какъ зарю той эпохи, когда

¹⁾ Настоящая статья, помѣщаемая нами съ нѣкоторыми сокращеніями, входитъ во 2-ой вып. (1911 г.) серій маршрутныхъ описаній, задуманныхъ А. Н. Красновымъ подъ общимъ заглавіемъ «Натуралистъ на Кавказѣ».

Кавказъ изъ поприща для военныхъ дѣйствій долженъ сдѣлаться нагляднымъ пособіемъ для изученія явленій природы—школою для нашей учащейся молодежи... Дѣйствительно, среди Альпъ—этой классической книги природы, можно встрѣтить какъ для натуралиста, такъ и для этнографа несравненно меньше интереснаго, чѣмъ среди Кавказа—только необыкновенная бѣдность нашей научно-популярной литературы причиною, что естественныя сокровища Кавказа остаются почти неизвѣстными нашей публикѣ. Цѣль предлагаемаго очерка—познакомить съ нѣкоторыми изъ этихъ послѣднихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, указать на тѣ пункты этой страны горной, которые особенно интересны для натуралиста-путешественника, желающаго сознательно созерцать красоты Кавказа, вдохновляясь не одною только поэзіею Лермонтова...

Военно-грузинская дорога есть обычный путь кавказскаго туриста. Она описана въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ довольно подробно, хотя про естественно-историческую сторону этого именно и нельзя сказать. Но все-таки это наилучше описанный уголокъ, несмотря на то, что онъ гораздо менѣе интересенъ, чѣмъ многое другое. Практика моихъ экскурсій показала, что по интересу, представляемому какъ для натуралистовъ, такъ и для простаго туриста, военно-грузинская дорога во всѣхъ отношеніяхъ уступаетъ такъ-называемой военно-осетинской, о которой до сихъ поръ не знаетъ значительная часть нашей публики и которая есть, если можно такъ выразиться, перлъ кавказскихъ экскурсіонныхъ маршрутовъ. Въ годы моего студенчества я пѣшкомъ прошелъ Сень-Готардскій переваль въ Альпахъ, восхищаясь, еще не пресыщенной впечатлѣніями юношескою душою, красотою величественныхъ ущелій Рейсса, Чортовымъ мостомъ, нагорными лугами и рѣзкимъ контрастомъ южной природы итальянской Швейцаріи съ только-что покинутыми склонами Альпъ. И все-таки я долженъ сознаться, что, переваливъ черезъ Мамиссоновскій переваль изъ Осетіи въ Имеретію, сопоставивъ мрачныя сосновые боры и дикое ущелье Ардона съ ущельемъ Рейсса, мягкіе ландшафты Ріонской долины съ тѣмъ, что я видѣлъ по Тичино, контрастъ Владикавказской степи съ окрестностями Кутаиса,—я получилъ разницу впечатлѣній громадную. Кавказъ даетъ всѣ контрасты сильнѣе, всѣ особенности рѣзче, онъ грубѣе Альпъ, но онъ безконечно грандіознѣе, мощнѣе во всѣхъ проявленіяхъ, въ сущности совершенно аналогичныхъ. Это сильный и грубый мужчина, то—изнѣженная воспитаніемъ дѣвушка.

Въ научномъ отношеніи осетинская дорога также выше с.-готардской. Нигдѣ въ мірѣ долины двухъ въ противоположномъ направленіи текущихъ рѣкъ, какъ Ріонъ съ его притоками и Ардонъ, не даютъ столь полной картины внутренняго строенія горнаго хребта, иллюстрирующей законы происхожденія горъ, такого обилія глетчеровъ, столь отчетливо выраженные пояса растительности, такихъ контрастовъ климатовъ и столь своеобразныхъ типовъ населенія. Путешествіе, совершенное поперекъ Кавказа по военно-осетинской дорогѣ, стоитъ длиннаго и долгаго странствія по цѣлому ряду государствъ и мѣстностей.

Таково, по крайней мѣрѣ, впечатлѣніе, вынесенное мною изъ экскурсіи, сдѣланной нѣсколько лѣтъ тому назадъ по этой дорогѣ, которымъ я здѣсь хотѣлъ бы подѣлиться съ читателями.

Путешествіе по осетинской дорогѣ, ведущей, какъ извѣстно, изъ Владикавказа въ Кутаисъ, совершается далеко не такъ удобно и просто, какъ отъ Владикавказа въ Тифлисъ. Здѣсь нѣтъ почтовыхъ станцій, нѣтъ къ вашимъ услугамъ постъ-омнибусовъ, колясокъ и таратаекъ и, хотя довольно первобытнаго, но все-таки въ общемъ сноснаго буфета на главныхъ станціяхъ. Вы должны сами заботиться о ѣдѣ, о ночлегѣ и о лошадяхъ. Послѣднихъ вы должны добыть вмѣстѣ съ экипажемъ во Владикавказѣ или окрестныхъ селеніяхъ, здѣсь же запастись и припасами; что же касается ночлега, то его можно получить, лишь съ разрѣшенія завѣдующаго дорогою, въ такъ-называемыхъ дорожныхъ сторожкахъ—строеніяхъ, далеко не комфортабельныхъ въ большинствѣ пунктовъ, такъ-что туристъ или долженъ вооружиться неприхотливостью, по счастью, довольно свойственной русскимъ туристамъ, или двигаться быстро, принаравляя мѣста остоновокъ къ такимъ пунктамъ, какъ, напр., урочище св. Николая, Уцери, Они, гдѣ есть хорошія постройки или жилища богатыхъ туземцевъ. Точно такъ же и самое пользованіе дорогою возможно далеко не во всякое время года. Мамиссоновскій перевалъ много выше Крестоваго. Большую часть лѣта онъ лежитъ погребенный подъ снѣгомъ—и только съ середины іюля и въ августѣ васъ рискнуть перевезти на колесахъ съ сѣвернаго склона Кавказа на южный. Фаэтонщики Владикавказа обыкновенно не знаютъ этой дороги. Рѣдкій изъ нихъ возьмется везти васъ по ней въ своемъ экипажѣ, несмотря на то, что это хорошо содержимое шоссе. Обыкновенно пользуются нанимаемыми у осетинъ линейками, но экипажъ этотъ и много неудобнѣе и утомляетъ много сильнѣе, чѣмъ телѣжка. Но кто хочетъ видѣть многое, долженъ вооружиться мужествомъ и

терпѣніемъ. Кавказъ не Альпы, и если теперь по главнымъ его дорогамъ можно ѣздить, не рискуя быть ограбленнымъ или убитымъ, путникъ все-таки долженъ, любуясь кавказскою природою, забыть, что существуетъ комфортъ и удобство, и, за исключеніемъ линіи Тифлисъ-Владикавказъ, путешествовать по полуварскому краю.

Впрочемъ, ѣзда на осетинскихъ линейкахъ имѣтъ свою прелесть. Вы двигаетесь медленно, и грандіозныя картины горной природы лучше запечатлѣваются въ вашей памяти. Вы, не стѣсняясь, можете проходить лучшія части дороги пѣшкомъ, каждую минуту останавливаться для сбора интересныхъ растений, горныхъ породъ, для снимковъ фотографій, чего трудно достигнуть при быстрой ѣздѣ на почтовыхъ. Ваши осетинскіе возницы, любезные и общительные люди, дадутъ вамъ возможность познакомиться съ бытомъ своихъ родичей, который для русскаго чело-вѣка представляетъ массу любопытнаго.

Исходнымъ пунктомъ для экскурсій по военно-осетинской дорогѣ служить обыкновенно станція Даргъ-Кохъ. Теперь отсюда есть даже построенная французскою компаніею вѣтка желѣзной дороги, ведущая къ Садонскому руднику, позволяющая значительно сократить часть колеснаго пути. Но въ описываемое время я съ моими экскурсантами дѣлалъ этотъ путь изъ Владикавказа, и хотя нашъ маршрутъ удлинялъ путь на нѣсколько дней, онъ, какъ читатель можетъ убѣдиться изъ нижесказаннаго, не лишень интереса, такъ какъ даетъ возможность познакомиться съ природою и жизнью кавказскихъ предгорій, новою и совершенно чуждою для жителя равнины и которая обыкновенно ускользаетъ отъ ѣдущаго по желѣзной дорогѣ.

Выѣхавъ утромъ изъ Владикавказа, мы къ вечеру достигли до селенія Ардонъ и, переночевавъ тамъ, на слѣдующій день, проѣхавъ черезъ Алагиръ, вступили въ долину р. Ардона.

Такимъ образомъ, болѣе сутокъ мы ѣхали вдоль Кавказскаго хребта, любуясь характерными явленіями изъ жизни облаковъ, почти черезъ каждый часъ дѣлавшими панораму предгорій неузнаваемою. Кавказъ высокою зубчатою стѣною возвышается здѣсь надъ равниною. Трудно найти болѣе типичную картину настоящаго горнаго хребта, такъ и просящуюся на страницы учебника. Надъ темною массою сближенныхъ холмовъ предгорій высятся позлащенные лучами восходящаго солнца скалы, внизу одѣтыя чернымъ лѣсомъ, выше—голая и, наконецъ, еще выше—увѣнчанныя бѣлоснѣжными вершинами, на которыхъ играютъ розовые тоны утреннихъ лучей. Вы видите здѣсь и вулканиче-

скій конусъ Казбека, и Дахъ-Тау, и Адай-Хохъ. Тѣ параллельныя другъ-другу хребты, которые различаетъ орографія страны, здѣсь не видны для глаза; все сливается въ одну бугристую темную стѣну съ зубчатымъ, украшеннымъ блестящими снѣгами верхомъ, отгораживающую отъ васъ южную половину неба, не допуская исполниться словамъ Лермонтова и нестись тучамъ небеснымъ, вѣчнымъ странникамъ, степью лазурною, цѣпью жемчужною, съ дальняго сѣвера въ сторону южную. Горы являются для нихъ барьеромъ, и въ зависимости отъ того, имѣемъ ли мы день тихій и ясный, или съ сильнымъ вѣтромъ одного изъ сѣверныхъ румбовъ,—измѣняется и картина состоянія неба. Въ тихій, спокойный день, въ родѣ того, въ который совершался нашъ выѣздъ изъ Владикавказа, утромъ небо бываетъ совершенно безоблачно и хребетъ во всемъ своемъ величіи вырисовывается на южной сторонѣ горизонта. Но кто хочетъ любоваться снѣжными вершинами Кавказа и съ картою въ рукахъ выискивать наиболѣе извѣстныя изъ его горъ, тотъ долженъ встать пораньше, такъ какъ такого рода упражненія возможны только недолго послѣ восхода солнца. Позже, сначала нѣжныя, какъ изъ пуху, облака заволакиваютъ вершины; къ полудню, бѣлою, какъ изъ ваты сдѣланною лентою, они закутываютъ всю верхнюю половину хребта. Къ 4 часамъ пополудни, а иногда и ранѣе, хребетъ почти совершенно скрывается отъ глазъ въ темныхъ грозовыхъ тучахъ. Раздаются глухіе раскаты грома, и вы видите, что сильные ливни орошаютъ темныя лѣсистыя предгорія. Сами вы остаетесь сухи, и здѣсь опять подтверждаются странно звучащія для насъ, жителей равнины, слова поэта:

Люблю грозу въ началѣ мая,
Когда весенній первый громъ,
Какъ бы рѣзвяся и играя,
Грохочетъ въ небѣ голубомъ!

Да, здѣсь дѣйствительно громъ и молнія блистаютъ передъ вами въ то время, когда надъ головой небо голубое и блещетъ солнце! Въ то время Кавказъ кажется еще грознѣе и суровѣе. Страшно даже для культурнаго человѣка въ это время углубляться въ его мрачныя ущелья—и что-жъ удивительнаго, что полуязычники осетины помѣстили здѣсь въ предгорьяхъ свои заповѣдныя рощи, посвященныя горнымъ духамъ, преобразованнымъ большею частью въ св. Георгія или другихъ популярныхъ у горцевъ-христіанъ святыхъ. Къ вечеру тучи пролетаютъ—и если вы путешествуете въ полнолуніе, то свѣже посыпанныя

снѣгомъ вершины бываютъ въ вечерніе часы не менѣе эффектны, чѣмъ раннимъ утромъ.

Сама владикавказская равнина своей гладкою, какъ столъ, поверхностью представляетъ рѣзкій контрастъ съ величественною горною панорамой, развертывающеюся съ юга. Вдоль хребта, по дорогѣ, расположился здѣсь рядъ цвѣтущихъ селеній осетинскихъ и казачьихъ, въ одномъ изъ коихъ—именно Ардонѣ—мы и заночевали у нашего провожатаго, осетина Паскидаева.

Осетины—одинъ изъ немногихъ народовъ Кавказа, не только способный къ быстрому воспріятію культуры, но и дѣлающій на этомъ поприще большіе успѣхи. Они общаются сдѣлаться для Кавказа тѣмъ, что швейцарцы для Альпъ, и только черезъ ихъ посредство сдѣлаются доступными для туристовъ самыя дикія ущелья Кавказа, внушающія русскимъ ужасъ и страхъ. Если есть народъ, который русская администрація могла бы сдѣлать русскими горцами, то это безспорно осетины. Они всегда исторически тяготѣли къ намъ, и еще когда Кавказъ не былъ нашимъ, вступали съ нами въ союзы и помогали намъ. Будучи полудикими, полу-христіанами, полу-магометанами, полужычниками, они, принадлежа къ чистой арійской расѣ, были способны къ воспріятію высшей культуры, а таковою культурою была культура русская. Еще и теперь не поздно оказать на народъ этотъ наше вліяніе и сдѣлать его и по симпатіямъ нашимъ.

Осетины жаждутъ образованія, они охотно открываютъ школы, посылаютъ туда дѣтей, изучаютъ русскій языкъ, и многіе изъ нихъ владѣютъ имъ въ совершенствѣ. Они въ своемъ земледѣліи усвоили не только русскія орудія, но усовершенствованныя машины, быстро распространяющіяся въ Кубанской области. На мѣсто горскихъ саклей и жалкихъ малороссійскихъ мазанокъ, одна за другой вырастаютъ въ Ардонѣ и Алагирѣ оригинальной архитектуры каменные постройки. О постройкахъ этихъ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Матеріаломъ для нихъ служатъ голыши и галечникъ, окатанный горными рѣчками. Подобранные рядами и сцементированные глиною, эти голыши даютъ каменные стѣны болѣе прочныя и изящныя, чѣмъ кирпичныя, и выстроенный изъ этого матеріала домъ, покрытый черепитчатою красною кровлею, представляетъ изъ себя элегантную постройку, которой позавидуетъ любой горожанинъ и какой и во снѣ не снилось ни одному изъ богатыхъ крестьянъ средней Россіи. Словомъ, по сравненію съ нашими крестьянами средней зажиточности, осе-

тинъ живеть паномъ—и это можно сказать не только о внѣшности его жилища, но и о внутренней его обстановкѣ.

Мы оставались цѣлый послѣдующій день въ Ардонѣ, въ виду необходимости приготовить линейки для перевозки экскурсантовъ. Экскурсіи по Кавказу большими партіями еще дѣло новое— и чтобы перевезти 15 человѣкъ экскурсантовъ, нужно было 4 линейки, найти которыя было не легко. Мы, впрочемъ, не имѣли основанія жалѣть о проведенномъ въ Ардонѣ времени. Наши хозяева были чрезвычайно любезны и гостепріимны. Они давали возможность не только осмотрѣть селеніе и его окрестности, но и познакомиться съ цѣлымъ рядомъ интересныхъ бытовыхъ особенностей народа. Утромъ, минуя успѣвшую уже прорыть нѣсколько террасъ рѣчку, мы пришли къ оригинальному осетинскому кладбищу, уже издали обращавшему на себя вниманіе своими надгробными памятниками. Въ древности осетины хоронили своихъ покойниковъ въ сидячемъ положеніи, устраивая имъ нѣчто въ родѣ каменнаго склепа. Въ этомъ способѣ погребенія видѣли иранское происхожденіе арійцевъ. Самое названіе Иранъ, какъ зовутъ себя осетины, свидѣтельствуешь о томъ же, равно какъ и многія особенности ихъ языка. Нѣмецкіе филологи хотѣли во что бы то ни стало видѣть въ осетинахъ остатки германскихъ племенъ, находя нѣкоторое сходство съ нѣмецкими словами въ словахъ осетинскихъ (какъ, напр., время—Zeit). Но число этихъ словъ такъ мало, и степень сродства языка такъ слаба, что въ такой же степени нѣмцами можно назвать и русскихъ, и итальянцевъ, и, словомъ, всякій народъ, говорящій на языкѣ арійскаго корня. Флегматичный характеръ, молчаливость и страсть къ пиву—чуть ли не единственныя у осетинъ общія съ нѣмцами черты, такъ какъ во всѣхъ отношеніяхъ, а главное, въ антропологическомъ отношеніи осетины отстоятъ отъ нѣмцевъ, какъ небо отъ земли.

Въ послѣполуденное время мы имѣли удовольствіе наблюдать интересные танцы осетинъ. День былъ воскресный, и почти вся молодежь собралась во дворѣ богатаго осетина, гдѣ устроилось что-то въ родѣ хоровода. Внутри круга изъ поющихъ и хлопающихъ въ ладоши мужчинъ танцевали нѣчто въ родѣ лезгинки и другихъ національныхъ танцевъ Кавказа, въ которыхъ принимали участіе какъ мужчины, такъ и женщины. Послѣднія, одѣтыя въ длинныя, узкія, большею частію розоваго цвѣта платья, были стройны какъ пальмы, но поражали необыкновенно слабымъ развитіемъ груди, дѣлавшимъ ихъ станъ похожимъ на мужской. Быть можетъ, это обстоятельство было причиною

возникновенія очень оригинальнаго обычая этого народа «посвященія женщинъ и мужчинъ», жертвъ котораго мы сами видѣли нѣсколько. Дѣло въ томъ, что, какъ у всѣхъ горцевъ, у осетинъ положеніе женщины—какъ слабаго, неудобнаго для борьбы за существованіе среди суровой обстановки горъ созданія—очень низкое. Если молодежь мужского пола здѣсь не смѣетъ ни сѣсть, ни сказать слова въ присутствіи старшихъ, то женщина почти не считается за человѣка. Какъ у кочевниковъ, ихъ покупаютъ, внося болѣе или менѣе значительный *калымъ*, послѣ чего она поступаетъ въ полное распоряженіе мужа. Рожденіе дѣвочки встрѣчается родителями съ такимъ же неудовольствіемъ, съ какимъ ликованіемъ встрѣчается рожденіе мальчика. Но особенно горестнымъ бываетъ положеніе тѣхъ родителей, которые имѣютъ потомство только женскаго пола. Тутъ отсутствіе мальчиковъ особенно непріятно—и отецъ семейства прибѣгаетъ тогда къ оригинальному способу. Онъ даетъ одной изъ своихъ дочерей мужское имя, одѣваетъ ее въ черкеску, посылаетъ ее въ общество мальчиковъ, среди которыхъ она растетъ и воспитывается до 21 года. Съ нею обращаются какъ съ мужчиною. Она ѣздитъ верхомъ и принимаетъ участіе во всѣхъ работахъ и упражненіяхъ юношей; величайшимъ оскорбленіемъ для нея считается назвать ее гдѣ-либо въ обществѣ женщиной или женскимъ именемъ. Такъ растетъ и воспитывается молодая осетинка, ничѣмъ не отличаясь отъ своихъ товарищей, пока, наконецъ, по достиженіи совершеннолѣтія борьба со страстями не заставитъ ее удалиться въ монастырь.

Странно видѣть пережитки этихъ обычаевъ древней горской жизни здѣсь въ Ардонѣ, въ благоустроенномъ селеніи, окруженномъ мирными пашнями, до которыхъ долетаютъ звуки свистковъ Владикавказской желѣзной дороги. Странно наблюдать эти нравы бокъ-о-бокъ со школою и патріотами-учителями, которые, какъ у всѣхъ маленькихъ народцевъ, которымъ грозитъ участь поглощенія окружающими, берегутъ и лелѣютъ всѣ традиціи и преданія, составляющія гордость народа, знакомя со всѣмъ, что о немъ написано, начиная съ преданій о древнихъ богатыряхъ Осетіи и кончая нѣмецкими мечтаніями о германскомъ происхожденіи осетинъ—изданными петербургскими академиками....

На слѣдующее утро мы покинули Ардонъ и, проѣхавъ черезъ сходную съ нимъ по облику Алагирскую станицу, направились на югъ, чтобы проникнуть въ нѣдра Кавказа.

Нигдѣ въ мірѣ нельзя наблюдать съ такою ясностью и отчетливостью механизмъ образованія горныхъ хребтовъ, какъ

по военно-осетинской дорогѣ. Какъ извѣстно, старое представленіе, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, распространенное въ обществѣ, что горныя цѣпи и горы вообще произошли дѣятельностью подземнаго огня, оставлено уже давно въ наукѣ, и господствующимъ взглядомъ является тотъ, по которому горы суть складки коры земной, происшедшія вслѣдствіе постепеннаго сжатія этой послѣдней.

Однако, было бы крайне неправильно представлять себѣ горныя цѣпи въ видѣ складокъ, подобныхъ складкамъ на скатерти или на какой-нибудь матеріи. Не говоря уже о томъ, что самый внѣшній видъ горъ не соотвѣтствуетъ такому представленію, ихъ внутреннее строеніе, какъ то иллюстрируетъ прекрасно военно-осетинская дорога, показываетъ это весьма наглядно.

Громада Кавказа получилась путемъ тяженія съ юга на сѣверъ, заставившаго центральныя, самыя глубокія первозданныя породы выпучиться, приподнять съ сѣвера всю толщу осадочныхъ пластовъ, на нихъ налегавшую. Она такимъ же образомъ приподнята и съ юга, но здѣсь, сверхъ того, болѣе глубоко лежащія породы этимъ горизонтальнымъ давленіемъ настолько стиснуты, что дали болѣе двухъ десятковъ прижатыхъ другъ къ другу складокъ, по размѣрамъ не уступающихъ высотѣ самаго хребта. Такъ-называемый Сѣверный Кавказъ представляетъ изъ себя, такимъ образомъ, приподнятую выпятившимися въ его центрѣ гранитами толщу всѣхъ покрывающихъ эти граниты осадочныхъ породъ, отлагавшихся за все время исторіи земли на этомъ мѣстѣ. Какъ страницы книги, открытыя для натуралиста, они даютъ возможность прочесть событія того прошлаго Кавказа, когда еще не было человѣка и когда постепенно формировались странныя существа, бывшія праотцами нынѣ живущихъ животныхъ. Тѣ породы, что на плоской русской равнинѣ приходилось бы добывать изъ нѣдръ земли путемъ буровыхъ скважинъ съ многоверстной глубиной, здѣсь мы видимъ составляющими скалы и бока долины Ардона, при чемъ чѣмъ дальше будемъ мы углубляться къ его верховьямъ, тѣмъ болѣе древніе по образованію, тѣмъ болѣе глубоко въ другихъ мѣстахъ скрытые пласты будутъ обнажаться передъ нашими глазами. Надобно знать языкъ геологіи, чтобы по пластамъ этимъ, какъ по страницамъ книги, прочесть это прошлое земли. Здѣсь не мѣсто входить въ эти подробности, и я упомяну только, что отъ ст. Алагиръ до урочища св. Николая послѣдовательность породъ мѣняется нѣсколько разъ. Въ то время какъ холмы,

окружающіе Владикавказскую низину, сложены изъ раковиннаго известняка, къ югу отъ Алагіра, составляя какъ бы первую гряду холмовъ, тянущихся вдоль Кавказа съ сѣвера, обнажается мѣловой мергель. За нимъ идетъ низина, почва которой состоитъ изъ мелкихъ зеленоватыхъ песчаниковъ, чтобы затѣмъ дать мѣсто высокому хребту изъ доломитовъ, въ которомъ Ардонъ прорылъ себѣ узкое ущелье. Здѣсь отчетливо можно видѣть, какъ приподнятые съ юга пласты этихъ доломитовъ падаютъ на сѣверо-востокъ. Проѣхавши ихъ, вы вступаете въ область сѣверныхъ глинистыхъ сланцевъ, чередующихся съ тонкими прослойками песчаниковъ, и уже за ними, отдѣленные продольной долиной, возвышаются близъ урочища св. Николая первобытные сланцы, сланцы кристаллическіе, гнейсы и сѣрые кавказскіе граниты. Большинство этихъ породъ (за исключеніемъ гранитовъ) слоисто, всѣ онѣ образовались на днѣ моря, когда-то покрывавшаго пространство, нынѣ занятое Кавказскимъ горнымъ хребтомъ. Всматриваясь съ строеніе этихъ осадочныхъ породъ и изучая попадающіяся въ нихъ окаменѣлости, мы убѣждаемся, что за тотъ долгій періодъ времени, когда на днѣ морскомъ отлагались эти многоверстныя толщи осадковъ, нынѣ выпертыя вверхъ горообразовательными силами, сами моря испытывали значительныя перемѣны. Мы знаемъ теперь, что тонкій известковистый илъ нынѣ отлагается лишь въ глубокихъ океанскихъ пучинахъ, образуясь изъ микроскопически мелкихъ скелетиковъ плавающихъ въ водѣ животныхъ, тогда какъ пески и глины относятся къ такъ-называемымъ прибрежнымъ образованіямъ. Такъ было и всегда. Смѣна наслоеній твердыхъ известковистыхъ и рыхлыхъ песчанистыхъ свидѣтельствуетъ, что глубина моря, покрывавшаго Кавказскій перешеекъ, не оставалась одинаковою. Море это претерпѣвало колоссальныя измѣненія уровня и въ ранній юрскій періодъ—въ тотъ періодъ, когда отлагались нынѣ изогнутые въ многочисленныя складки глинистые сланцы и песчаники, море, повидимому, почти не покрывало здѣсь своего дна, такъ какъ въ песчаникахъ этихъ находятъ отпечатки растений, свидѣтельствующіе, что пески, давшіе начало этимъ песчаникамъ, отлагались въ лагунахъ, окруженныхъ сухопутною растительностью.

Прорѣзавъ Кавказъ съ сѣвера на югъ, мы пересѣчемъ три (геологическія) системы пластовъ: третичныя, мѣловыя и юрскія, чтобы затѣмъ вступить въ самыя нѣдра горъ, въ царство первозданныхъ сланцевъ, гнейсовъ и гранитовъ. И въ каждой изъ трехъ упомянутыхъ выше системъ мы встрѣчаемъ чередованіе

болѣ рыхлыхъ и болѣ твердыхъ породъ. Это чередованіе имѣетъ громадное значеніе для всей орографіи, для пейзажей и для самой жизни сѣвернаго Кавказа, почему мнѣ по необходимости и пришлось остановиться на этихъ, быть можетъ, сухихъ и скучныхъ для читателей подробностяхъ. Дѣло въ томъ, что размывающая работа водъ въ теченіе послѣднихъ тысячелѣтій сильно измѣнила обликъ когда-то вывороченныхъ горообразовательными процессами пластовъ. Рыхлыя песчанистыя породы были сильно размыты, воды, образовавъ въ нихъ глубокія водоточины, скоро превратили эти послѣднія въ глубокія продольныя долины, тогда какъ пласты твердыхъ известняковъ остались почти неразрушенными и только на вершинахъ своихъ потеряли неуклюжія формы, придавъ имъ обликъ конусовъ и пиковъ. Однообразная толща вывороченныхъ слоевъ превратилась въ рядъ хребтовъ, раздѣленныхъ прерывающимися продольными долинами, при чемъ чѣмъ тверже была первоначальная, давшая начало горнымъ хребтамъ порода, тѣмъ выше воздымаются эти хребты. Вступая съ сѣвера въ долину Ардона вы легко наблюдаете эту послѣдовательность. Владикавказскія равнины съ сѣвера окаймлены невысокими холмами изъ третичнаго ракушечника. Южнѣ Алагіра возвышается уже болѣе высокая гряда, сложенная изъ болѣе твердыхъ мѣловыхъ известняковъ; еще же южнѣ за нею высится громадный хребетъ изъ юрскихъ доломитовъ тотъ самый, который Столовою и др. горами заслоняетъ настоящія снѣговыя вершины горъ отъ жителей Владикавказа и который западнѣе, становясь ниже, образуетъ хорошо знакомыя жителямъ Кисловодска высоты Бермамута. Эти твердые доломиты бѣловато-лиловато-розоваго цвѣта, самая твердая изъ осадочныхъ породъ. Сѣвернаго Кавказа, отдѣленные и съ сѣвера, и съ юга продольными долинами, представляютъ какъ бы островъ, освобожденный отъ облекавшихъ его нѣкогда толщъ болѣе мягкихъ породъ. Близъ дорожной станціи Нехасъ вы достигаете подножія этого хребта, который прорванъ здѣсь Ардономъ, вытекающимъ изъ узкаго ущелья. Въ ущельѣ этомъ ясно можно видѣть, какъ круто падаютъ пласты доломитовъ на сѣверъ, при чемъ склонъ долины, образуемый этимъ хребтомъ, такъ ровенъ, какъ переплетъ наклоненной книги, и только мягкая мурава поросшихъ на немъ травъ скрываетъ гладкую поверхность известняка, дѣлая возможнымъ восхожденіе.

Долина Ардона вновь суживается, и вы вступаете, минувъ ведущую къ руднику продольную долину, въ красиво поросшую соснами часть долины, въ глубинѣ которой возвышается большая

станціонная постройка урочища св. Николая. Это безспорно лучший пунктъ для остановки и отдыха экскурсантовъ. Обширное помѣщеніе имѣетъ нѣсколько просторныхъ, чистыхъ, европейски обставленныхъ комнатъ, которыя даютъ возможность здѣсь отдохнуть и собраться съ силами для экскурсіи на интереснѣйшій изъ ледниковъ Кавказа—Цейскій.

Рѣка Цея и долина ея впадаютъ въ долину Ардона какъ разъ около урочища св. Николая—и широкая и удобная для верховой ѣзды тропа ведетъ вверхъ по долинѣ къ селенію того же имени, а затѣмъ къ леднику. Я не буду здѣсь описывать долины. Выполненная нѣкогда ледниковыми наносами его поддонной морены, она заросла сосновымъ лѣсомъ, и послѣ голыхъ и выжженныхъ скалъ Нехаса представляетъ необыкновенно пріятное для глазъ зрѣлище. Вы уже въ обстановкѣ далекаго сѣвера. Уныло шумятъ сосны, скрывая подъ сѣнью своею рядъ гиперборейскихъ травъ въ родѣ черники, *Linnaea borealis*, и, постепенно сплываясь въ довольно густой боръ, деревья котораго еще не истребила эксплуататорская рука иностранцевъ. Да врядъ ли она когда-либо и рѣшится ихъ истребить, такъ-какъ въ долинѣ среди лѣсовъ этихъ лежитъ одно изъ великихъ святилищъ осетинскаго народа, храмъ 800-лѣтней древности, для котораго боръ этотъ играетъ роль священной рощи. Да, урочище Рекомъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, великое и святое мѣсто. Народное суевѣріе осетинъ, про которыхъ довольно трудно сказать, кто такіе они въ сущности—магометане, христіане или язычники,—настолько сильно по отношенію къ этому мѣсту, что предразсудки всѣхъ ихъ вѣрваній особенно рѣзко сказываются для наблюдателя.

Уже при приближеніи къ урочищу принимается рядъ предосторожностей. Никто изъ приходящихъ не имѣетъ права брать съ собою въ числѣ съѣстныхъ припасовъ ни колбасы, ни какого-либо другого кушанья, приготовленнаго изъ свинины, иначе не только его, но и всю мѣстность можетъ постигнуть большое несчастье. Храмъ не доступенъ для женщинъ. Да и приходящіе сюда мужчины не имѣютъ права переступать черезъ каменную ограду, которую свободно могъ бы перешагнуть взрослый осетинъ и которая отдѣляетъ отъ поросшей травой площадки самый храмъ. Трудно себѣ представить что-либо менѣе отвѣчающее понятію о христіанскомъ храмѣ, нежели это зданіе. Самая жалкая курная изба или зимница, въ которой живутъ въ морозное время на Керженцѣ за Волгою макарьевскіе дровосѣки, показались бы дворцомъ въ сравненіи съ этимъ покосившимся и

почернѣвшимъ отъ времени деревяннымъ срубомъ, крытымъ тесомъ, поросшимъ мохомъ. Эта избушка безъ колокольни, можно сказать, безъ оконъ, снаружи ничѣмъ не напоминаетъ церкви. Только черепа туровъ, прибитые къ стѣнамъ, говорятъ, что она имѣетъ какое-то мистическое назначеніе. О томъ же говоритъ и рядъ древностей, приношенія и пожертвованія различныхъ лицъ, сохраняющіяся въ храмѣ и около храма въ томъ видѣ, какъ они накопились здѣсь за много столѣтій. Говорятъ, въ послѣднее время графиня Уварова увезла наиболѣе цѣнные изъ нихъ въ Москву и такимъ образомъ сохранила многое отъ гніенія. За расхищеніе ихъ бояться было нечего, такъ-какъ народное суевѣріе лучше всякихъ музейныхъ стражей сохраняло древнія серебряныя монеты и оружіе, приносившееся въ жертву духу горъ, перекрещенному въ мѣстнаго святого. Еще во время моего посѣщенія я видѣлъ цѣлые пуки стрѣлъ и груды древнихъ монетъ, хранившіеся въ храмѣ. И внутри зданія, въ темную и мрачную конуру, меня все-таки не пустили, позволивъ въ видѣ исключенія переступить черезъ каменную оградку. Замѣчательно, что храмъ Рекома построенъ изъ тисса. Этой породы дерева не встрѣчается нигдѣ по эту сторону Кавказскаго хребта. Онъ долженъ былъ быть взятъ далеко на южномъ склонѣ горъ. Народное преданіе говоритъ, что деревья были доставлены невидимыми духами и храмъ воздвигнутъ въ одну ночь. Но если даже отбросить вліяніе всѣхъ сверхъестественныхъ элементовъ, то нельзя не удивляться, какимъ образомъ 800 лѣтъ назадъ, когда на Кавказѣ не было ни дорогъ, ни того населенія, что теперь, черезъ кручи его горныхъ проходовъ могли быть доставлены съ низовьевъ Ріона эти громадныя тиссовыя бревна.

Особенно интересны обряды осетинъ во время храмового праздника въ Рекомѣ. Тогда осетинъ, одѣтый въ бѣлую, какъ снѣгъ, черкеску, какъ жрецъ языческаго храма, совершаетъ закланіе нѣсколькихъ бѣлыхъ же быковъ. Насколько вяжутся эти кровавыя жертвоприношенія съ христіанскимъ богослуженіемъ—я не берусь судить; но знаю, что всѣ жители сосѣднихъ ауловъ считаютъ своимъ долгомъ на нихъ присутствовать in corpore. Мясо раздѣляется между присутствующими и запивается затѣмъ пивомъ, заготавливаемымъ для этого празднества въ громадномъ количествѣ.

Дикія сцены разгула горцевъ среди густого, пріютившагося въ ущельѣ, бора смѣняются величественной картиною природы, разъ только вы сдѣлаете еще нѣсколько верстъ вверхъ по теченію рѣки Цей. Передъ вашими глазами тогда откроется краси-

вая панорама одного изъ длиннѣйшихъ изъ ледниковъ Кавказа — Цейскаго.

Говоря вообще, ледники Кавказа менѣе красивы и величественны, чѣмъ альпійскіе. Они обыкновенно много короче послѣднихъ. Ихъ льды грязнѣе и не имѣютъ того чуднаго голубого блеска, который присущъ ледникамъ Альпъ. Большая крутизна склоновъ и узость верховьевъ рѣчныхъ долинъ здѣсь чаще вызываютъ оригинальное явленіе такъ-называемыхъ снѣговыхъ мостовъ. Мосты эти являются слѣдствіемъ очень распространенныхъ на Кавказѣ лавинъ или снѣговыхъ обваловъ, которые особенно часты весною, когда накопившіяся на крутыхъ склонахъ массы снѣга, подтаивая, теряютъ равновѣсіе, обрываются и, падая, засоряютъ рѣчныя долины. Но воды рѣкъ быстро прорываютъ себѣ путь въ снѣжномъ завалѣ; воздухъ подтаиваетъ еще болѣе образованный водами гротъ и мало-по-малу масса снѣга, завалившая ущелье, превращается въ подобіе моста съ изящною аркою, подъ которой струить свои воды рѣка. Такіе снѣговые мосты весною изобилуютъ по военно-грузинской дорогѣ на пространствѣ между Коби и Гудауромъ, они попадаются и по Ардону. Въ болѣе узкихъ ущельяхъ они сохраняются все лѣто и даже остаются до зимы.

Такъ какъ ледники Кавказа менѣе грандіозны, чѣмъ альпійскіе, то тѣмъ интереснѣе тѣ изъ нихъ, которые отличаются значительною длиною. Таковъ именно ледникъ Цейскій. Здѣсь наблюдатель можетъ видѣть всѣ характерныя явленія альпійскихъ глетчеровъ.

Далеко вверху обширныя мульды наполнены вѣчными снѣгами. Подъ саваномъ этихъ снѣговъ постепенно смерзаются снѣжинки, превращаясь въ формы и ядра глетчернаго льда, которыя, смерзаясь, оставляютъ въ промежуткахъ пузырьки воздуха, наполняющіе ледъ глетчера, придавая ему структуру, по которой его легко отличить отъ обыкновеннаго рѣчного и озернаго льда. Вытекая изъ области фирновыхъ полей, ледъ Цейскаго ледника разбивается на великое множество трещинъ, поперечинъ, превращающихъ его въ хаосъ пиковъ и ущелій изъ прозрачной ледяной массы.

Ниже ледникъ принимаетъ характеръ медленно и спокойно текущей рѣки, и на его поверхности посѣтитель можетъ свободно наблюдать всѣ характерныя особенности глетчерной жизни: громадные ледниковые столы тамъ и сямъ возвышаются на его поверхности, свидѣтельствуя о быстротѣ таянія ледника. Подъ вліяніемъ вѣтра, а главное, солнца — поверхность ледяной

рѣки быстро превращается въ воду. Глазъ этого не видитъ, но показателями этой скорости таянія являются вышеназванные столы. Плоскія глыбы камня настолько защищаютъ поверхность льда отъ таянія, что она подъ зноемъ остается невидимою и, въ то время, какъ кругомъ иногда на нѣсколько футъ понизится уровень ледяной рѣки, масса льда сохраняется подъ камнемъ въ видѣ ножи, поддерживающей глыбу. Въ ясные солнечные дни мелкіе кусочки камней, напротивъ, нагрѣваясь, сильнѣе протаиваютъ во льду большія углубленія—ледниковые стаканы. Тогда загрязненная поверхность льда неровна какъ соты—вездѣ виднѣются во льду ванночки съ чистою водою, на днѣ которыхъ покоится черный камень. Но масса воды струится въ видѣ ручьевъ по самой поверхности ледника, устремляясь въ дыры, которыя въ ледникѣ протаяла вода въ его верхнемъ, изборожденномъ трещинами, теченіи. Сюда ручьи воды падаютъ въ видѣ водопада, извергающагося въ колодезь во многія сажени глубиною. Эти падающія воды обладаютъ большою силою. Захвативъ на своемъ пути камень, онѣ высверливаютъ въ руслѣ ледника глубокіе котлы, шумя и бурля какъ настоящія мельницы. Цейскій ледникъ во всѣхъ отношеніяхъ классическій ледникъ для изученія глетчерныхъ явленій. По бокамъ его тянутся такъ-называемыя боковыя, а послѣ впаденія притоковъ (такъ какъ ледникъ слагается вверху изъ нѣсколькихъ) и продольныя морены—или груды обломковъ скалъ, нѣкогда увлеченныхъ движеніемъ льда и затѣмъ вытѣянныхъ по мѣрѣ спаденія его массы.

Подъ такими же грудями каменныхъ моренъ скрывается и нижнее теченіе ледника, и среди этихъ обломковъ скалъ легко найти такія, которыя отполированы и исцарапаны скользящимъ по дну ледникомъ, громадныя тяжести котораго были способны отшлифовать самыя твердыя изъ горныхъ породъ. Я не буду здѣсь останавливаться на другихъ явленіяхъ глетчерной жизни, отсылая интересующагося ими читателя къ спеціальнымъ сочиненіями по тѣмъ вопросамъ. Скажу одно: и геологъ, и учащійся спеціалистъ найдутъ здѣсь богатое поприще для наблюденій всякаго рода.

Эккурсія по верховьямъ р. Цей есть побочная экскурсія для лицъ, держащихъ путь вверхъ по теченію Ардона. Если вернуться вновь въ ущелье св. Николая и слѣдовать теченію этой рѣки, вы вступите въ необыкновенно величественное и красивое ущелье р. Ардона. Оно не уступаетъ по грандіозности Дарьяльскому и лучше ущелья Рейса по сенъ-готардской дорогѣ. Оно шире Дарьяла, но имѣетъ передъ послѣднимъ то преиму-

щество, что поросло живописно разбросанными соснами. Ардонъ тутъ бурлитъ какъ настоящій горный потокъ, подрывая скалы. Многія обрушиваются въ него съ грохотомъ, и онъ обтирая другъ о друга ихъ угловатыя массы, превращаетъ въ окатанные валуны, которые медленно движеть по руслу. Но часто туда обрываются обломки столь громадныя, что онъ не въ силахъ ихъ сдвинуть съ мѣста. Они возвышаются среди потока наподобіе скалистаго острова, и на такихъ островахъ иногда еще держится сосна, нѣкогда выросшая на этой глыбѣ, когда она высилась гдѣ-нибудь на высокомъ карнизѣ ущелья. Пропиливающая работа воды здѣсь еще въ полной силѣ, и только созерцая здѣсь, на мѣстѣ, ея дѣятельность, можно понять, какъ это мягкая вода можетъ пропиливать полутораверстной глубины долины и ущелья въ твердой гранитной груди горъ.

Ущелье Ардона находится уже въ сердцѣ Кавказа. Мягкіе песчаники и глинистые сланцы при приближеніи къ урочищу св. Николая смѣняются твердыми кристаллическими сланцами, затѣмъ гнейсами и, наконецъ, въ ущельѣ всюду выступаютъ твердые, сѣрые граниты, первозданная порода, состоящая, такъ сказать, ядро хребта. Минуя ущелье, мы уже находимся, говоря геологически, на противоположной сторонѣ хребта. Мы снова встрѣчаемъ тѣ же сланцы, что мы видѣли до сел. св. Николая. Мы пересѣкли центральную складку, и намъ предстоитъ въ обратномъ порядкѣ встрѣтить опять тѣ же породы, что и на сѣверномъ склонѣ. Но здѣсь порядокъ напластованія ихъ много сложнѣе. Онѣ собраны въ громадное число второстепенныхъ складокъ вмѣсто того, чтобы имѣть однообразное паденіе на югъ.

Уже около селенія Заромаги нѣтъ лѣсовъ. Нѣтъ не потому, чтобы они не могли расти, но потому, что ихъ истребилъ человекъ. Зеленѣющіе луга травъ покрываютъ кругомъ горныя откосы, и среди нихъ вьется шоссе, все выше и выше поднимающаяся въ горы, гдѣ все сырѣе и сырѣе становится почва луга и гдѣ подъ вліяніемъ возрастающаго холода постепенно измѣняется растительность изъ обыкновенной луговой въ настоящую кавказскую, альпійскую или, правильнѣе, нагорную флору.

На самомъ Мамиссонѣ вы находитесь уже среди этой послѣдней. Чудная панорама горъ, съ которыхъ спускается не менѣе 7 глетчеровъ второго порядка, открывается взорамъ. Самый перевалъ рѣдко когда освобождается вполнѣ отъ снѣга. Во всякомъ случаѣ, пятна фирна, не тающаго все лѣто, всегда можно видѣть у дороги. На нихъ можно видѣть развитіе

Protococcus nivalis, микроскопической водоросли полярных странъ, окрашивающей снѣга эти въ нѣжно-розовый цвѣтъ. Это знаменитый красный снѣгъ, такъ часто упоминаемый у полярныхъ путешественниковъ. По окраинамъ фирновыхъ пятенъ первымъ растеніемъ, оживляющимъ луга, является подснѣжникъ, здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-либо заслуживающій своего названія. Онъ здѣсь играетъ ту же роль, что преслуватая *Soldanella alpina* въ Швейцаріи. Его головки пробиваются изъ-подъ снѣга, довольствуясь температурою 0°, и хорошенькіе цвѣточки раскрываютъ свои вѣнчики надъ бѣлою поверхностью фирна.

За ними слѣдуютъ, расцвѣтая, характерныя кавказскія нагорныя растенія: *Pulsatilla albana*, *Primula* различныхъ видовъ, хорошенькія ярко-синія генціаны, *Anemone narcissiflora*, незабудки—*Myosotis alpestris*—необыкновенно крупныя, и цѣлый рядъ другихъ характерныхъ растеній кавказскихъ высотъ, перечисленіе которыхъ я опускаю. Скажу одно, знакомаго съ альпійскою флорою здѣшняя луговая растительность поразить своею величиною. Здѣсь мало тѣхъ миниатюрныхъ растеній, которыя такъ прельщаютъ гербаризатора въ Швейцаріи. Здѣсь, наоборотъ, травы размѣрами приближаются къ луговымъ, и среди нихъ есть много знакомыхъ жителю низины видовъ, въ родѣ *Caltha palustris*, или чемерицы—*Veratrum album*.

Но яркость вѣнчиковъ здѣсь та же самая, что и на Альпахъ, и крупные цвѣты нагорныхъ луговъ Кавказа затмятъ своимъ блескомъ альпійскіе. Только вмѣсто миниатюрныхъ розовыхъ альпійскихъ розъ вы встрѣтите здѣсь высокій, усыпанный бѣлыми цвѣтами кустарникъ кавказскаго рододендрона, не менѣе эффектнаго, чѣмъ попадающіяся ниже въ лѣсахъ кавказскія азалеи съ душистыми желтыми цвѣтами, образующія густыя заросли по пути къ Цейскому леднику. Недостаетъ только здѣшней флорѣ эдельвейсовъ, этой приманки альпійскихъ туристовъ.

Особенно эффектна альпійская флора Мамиссоновскаго перевала на его южномъ склонѣ, откуда открываются роскошныя панорамы лѣсистыхъ, увѣнчанныхъ снѣгами горъ. Эти панорамы не уступаютъ лучшимъ мѣстамъ Энгадина.

Это тѣ же снѣжные пики въ рамкѣ изъ задумчивыхъ хвойныхъ лѣсовъ. Но хвойныя лѣса, въ которые вы вступаете, спускаясь съ Мамиссона, не тѣ, что на сѣверномъ Кавказѣ; вы сразу попадаете въ другой міръ, въ царство иного климатическаго режима, съ болѣе мягкою зимою, съ воздухомъ, постоянно насыщеннымъ влагою. Первыми васъ опять встрѣчаютъ хвойные

лѣса, но лѣса эти состоятъ изъ кавказской ели—*Picea orientalis* и кавказской пихты—*Abies Nordmanniana*. Хотя по облику эти деревья и похожи на наши ели и пихты сѣвера, но отношеніе къ климату ихъ иное. Онѣ мерзнуть даже подъ широтою Харькова и для германскаго климата считаются еще въ числѣ весьма нѣжныхъ растеній. Но даже не ботаникъ, всмотрѣвшись, сейчасъ увидить и во внѣшнемъ ихъ обликѣ значительное отличие отъ нашихъ хвойныхъ сѣвера. Яркость окраски и блескъ хвои сразу показываютъ, что они незнакомы съ суровыми морозами сѣвера. Деревья смотрятъ какъ-то зеленѣе, веселѣе, подходя подъ тонъ вѣчной зелени субтропическихъ породъ, не сбрасывающихъ листы. Несмотря на значительную высоту надъ уровнемъ моря, на которой расположена эта полоса хвойныхъ деревьевъ, подъ ея сѣнью начинаютъ попадаться представители и этихъ породъ: падубъ или колючій остролистъ—характерное растеніе сѣверо-западной Европы, красныя ягоды котораго, созрѣвая въ концѣ декабря, дѣлаютъ кустъ этотъ замѣчательно эффектнымъ украшеніемъ комнатъ во время рождественскихъ праздниковъ въ Англіи и Франціи; лавровишня, характерное дерево закавказскихъ лѣсовъ, здѣсь еще имѣющая видъ кустарника, и, наконецъ, кавказская черника, кустъ выше человѣческаго роста, съ гроздьями ягодъ, цвѣтомъ и вкусомъ, не отличающихся отъ нашей черники сѣвера. Этотъ *Vaccinium arctostaphylos*, какъ и черничники субтропическихъ странъ далекаго Востока, не можетъ быть названъ вполне вѣчно-зеленымъ растеніемъ, и листва его держится необыкновенно долго. Онъ украшаетъ своею зеленью нижніе яруса колхидскихъ лѣсовъ вплоть до турецкой границы включительно. Его зелень теперь высушивается сотнями пудовъ, вывозится внутрь Россіи подъ названіемъ кавказскаго чая и идетъ на подмѣсъ къ болѣе дешевымъ сортамъ китайскаго чая. Сколько тысячъ народа, пьющаго въ трактирахъ южной Россіи «китайскую травку», пьютъ, сами того не подозревая, отечественный продуктъ.

Пихтовые лѣса, пересѣкаемые военно-осетинскою дорогою, необыкновенно красивы. Здѣсь попадаются участки съ высокими, строевыми, прямыми какъ свѣчи, деревьями. Разбросанные группами на зеленѣющихъ луговинахъ, они придаютъ пейзажу особенный, не встрѣчающійся на сѣверѣ характеръ.

Къ сожалѣнію, погода здѣсь гораздо менѣе постоянна, чѣмъ на сѣверѣ, и часто дожди мѣшаютъ наслаждаться прелестями пейзажа.

Вообще, начиная съ этого пояса лѣсовъ, мы вступаемъ въ область колхидской природы. Мы въ верховьяхъ Ріона, и скоро и сама знаменитая рѣка Колхиды открывается передъ нашими глазами во всей ея красѣ. Мы въ области иного, непривычнаго для русскаго человѣка климатическаго режима. Режимъ этотъ ближе всего къ тому, который господствуетъ на берегахъ Атлантическаго океана, въ Бретани и въ южной Англіи, но имѣетъ то преимущество, что благодаря болѣе южному положенію Кавказа, лѣтніе лучи солнца здѣсь теплѣе, воздухъ въ лѣтніе мѣсяцы дѣлается оранжерейно-жаркимъ, напоминая воздухъ субтропическихъ странъ Далекаго Востока—средней Японіи и соотвѣтствующихъ областей Китая.

Спустившись съ Мамиссона, мы вступаемъ въ область, занятую картвельскимъ племенемъ, ни по языку, ни по антропологическомъ особенностямъ съ осетинами ничего общаго не имѣющимъ. Извѣстный антропологъ Шантръ соединяетъ въ одну группу картвеловъ, имеретинъ, грузинъ, мингрельцевъ, сванетъ и лазовъ, но намъ кажется, что хотя народы эти и говорятъ на близкихъ другъ другу языкахъ и имѣютъ общія черты культуры, но они только въ основѣ имѣютъ картвельскую кровь. Къ ней примѣшано много постороннихъ элементовъ, дѣлающихъ долговязаго имеретина далеко не похожимъ на сутуловатаго грузина, и въ интересующей насъ области примѣсь семитскихъ элементовъ несомнѣнна. Въ городахъ и теперь очень много евреевъ, держащихъ себя среди имеретинъ далеко не столь изолированно, какъ среди многихъ другихъ народовъ. Сами имеретины многими чертами характера и обликомъ напоминаютъ евреевъ, хотя любовь къ земледѣлію присуща имъ всѣмъ. Только на еврейскихъ торжищахъ встрѣтите вы такое галдѣніе, какъ при любой сдѣлкѣ, въ которой принимаютъ участіе нѣсколько имеретинъ. Влажный, изнѣживающій климатъ страны сдѣлалъ жителей непредпримчивыми и склонными къ лѣни, вызвавъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, то отсутствіе любви къ комфорту, которое кидается всюду въ обстановкѣ туземца и дѣлаетъ путешествіе по Имеретіи не особенно пріятнымъ.

Вообще, переваливъ на южную сторону хребта, русскій человѣкъ перестаетъ чувствовать себя дома. Тамъ, на сѣверѣ, у гостепріимныхъ осетинъ, вы вездѣ видѣли стремленіе знакомиться съ русскими нравами, языкомъ и культурою, можетъ быть всеобразно, но вполне искренне для нихъ желаннымъ. Здѣсь, послѣ того какъ вы побываете на Мамиссонѣ, гдѣ васъ можетъ потрепать кратковременная снѣжная мятель въ іюнѣ

мѣсяцѣ, вы какъ бы переноситесь въ другое государство. Населеніе не говоритъ, да, повидимому, и не хочетъ говорить по-русски. Начиная съ администраціи и кончая полиціей и извозчиками — все туземцы, и если высшіе чины и знакомы съ русскимъ языкомъ, то напрасно вы будете этого ждать отъ старшинъ, старостъ, даже писарей и другихъ чиновъ волостного правленія, здѣсь громко именуемаго «канцеляріей». Вамъ нуженъ переводчикъ—и, сравнивая путешествіе по Мингреліи или Имеретіи съ путешествіемъ по Турціи, нельзя не сознаться, что въ послѣдней чувствуешь себя менѣе чуждымъ, болѣе дома, чѣмъ здѣсь. Я не хочу этимъ сказать, чтобы къ намъ здѣсь относились не дружелюбно. Напротивъ, я навсегда сохраню самое пріятное воспоминаніе объ отношеніи къ намъ здѣшней администраціи, но я хочу этимъ только отмѣтить тотъ фактъ, что туристъ, придя сюда съ той стороны Кавказа, долженъ приготовиться къ роли чужеземца въ краѣ съ иною культурою, языкомъ и обычаями, ничего общаго съ остальною Россіею не имѣющими.

Самый обликъ культуры страны иной. На крошечныхъ, рѣдко превосходящихъ десятину надѣлахъ, вмѣсто родныхъ хлѣбовъ, вы всюду видите кукурузу и виноградники. Выгоновъ почти нѣтъ и пустыри сейчасъ же зарастаютъ кустарникомъ и лѣсомъ. Въ хозяйствѣ здѣшняго крестьянина вы здѣсь не увидите хлѣба. Кукурузная лепешка и кислое, сильно пахнущее, вызывающее головную боль вино,—вотъ все, что онъ обыкновенно вамъ предлагаетъ, жалаая оказать гостепріимство.

Кукурузу въ болѣе нижнихъ поясахъ сопровождаетъ лобія или турецкая фасоль, выющаяся между высокими, достигающими саженой высоты стеблями кукурузы. Садовъ въ нашемъ смыслѣ вы не увидите, хотя многочисленныя фруктовыя деревья группируются около селенія, достигая громаднхъ размѣровъ и имѣя полуоголенный обликъ. Тутъ вы увидите и кавказскую хурму (*Diospyros lotus*), красивое дерево съ глянцевыми листьями и синими ягодами, и грецкій орѣшникъ, и груши, и яблони, и алчу или кавказскую сливу. Но чѣмъ гуще становится населеніе, тѣмъ большую и большую роль начинаютъ играть поля кукурузы. Обработанную первобытною сохою, или еще чаще просто руками съ помощью мотыги, на самую незначительную глубины, почву забрасываютъ сѣменами какъ попало, и когда кукуруза взойдетъ, мотыжатъ—или взрыхляютъ мотыгами почву между стеблями растенія. Зрѣлые початки сохраняютъ въ особыхъ кукурузникахъ, всюду виднѣющихся въ колхидскихъ панорамахъ. Это небольшой деревянный или плетенный ящикъ,

имѣющій не болѣе сажени въ длину и ширину и 2 аршина въ вышину; плетенка эта устанавливается на 9 деревянныхъ столбахъ, вышиною съ сажень, и покрывается дранью или осокою. Крестьянскія усадьбы здѣсь разбросаны отдѣльными хуторами, такъ-что селеніе не отвѣчаетъ здѣсь тому представленію, которое связано съ этимъ словомъ. Подъ именемъ мѣстнаго селенія правильнѣе разумѣть собственно урочище, въ которомъ разбросаны усадьбы, иногда на значительномъ другъ отъ друга разстояніи, при чемъ 5—10 домовъ вмѣстѣ большая рѣдкость. Крестьянскія постройки перемѣшиваются съ полями и садами, дворовыя мѣста обыкновенно огораживаютъ плетнями. Постройка колхидца очень поучительна. Она даетъ ясное представленіе о климатическихъ условіяхъ, въ которыхъ здѣсь живетъ человѣкъ. Это большею частью 2-хъэтажные деревянные дома, чаще всего досчастые, изъ небоящагося сырости дерева. Нижній этажъ ихъ служитъ зимнею квартирою, печи здѣсь не устраиваются. Для отопленія и варки пищи служитъ каминъ съ трубою, выходящій черезъ стѣну. Эта нижняя часть жилища обыкновенно столь же невзрачна, какъ и сакля горца, и въ ней нерѣдко въ особенно холодное время держать и скоть. Верхняя часть дома, сквозная, провѣтривается легко и обнесена со всѣхъ сторонъ балкономъ подъ навѣсомъ, защищающимъ его отъ постоянныхъ дождей. Издали такой домикъ обликомъ напоминаетъ швейцарское шале. Только зажиточные крестьяне имѣютъ столы и стулья, обыкновенно же лавки и низенькія табуретки составляютъ меблировку дома.

Осѣдлая мирная жизнь отражается и на костюмѣ, который гораздо франтоватѣе у жителей низины, чѣмъ у горцевъ.

Какъ мы уже говорили, главнымъ хлѣбомъ жителя Колхиды является кукуруза. Перемалываніе ея зеренъ совершается на маленькихъ, имѣющихъ видъ будочекъ, мельничкахъ, жернова которыхъ приводятся въ движеніе быстрымъ горизонтальнымъ теченіемъ горныхъ ручьевъ, а не силою паденія воды, какъ наши водяныя мельницы. Эти мельнички чрезвычайно оживляютъ долинки рѣкъ, которыя пересѣкаетъ дорога.

Если употребить сутки для переѣзда черезъ Мамиссонъ и заночевать въ дорожномъ домѣ по южную сторону перевала или спуститься до Уцеры, то на слѣдующій день къ вечеру можно достигнуть до уѣзднаго города Они—чисто имеретинскаго городка, наполненнаго духанами и мелкими лавчонками. Въ немъ нѣтъ никакихъ достопримѣчательностей, нѣтъ даже порядочной гостиницы для остановки, что не лишне имѣть въ виду

тѣмъ, кто, совершивъ утомительный переходъ черезъ Мамиссонъ надѣется отдохнуть съ комфортомъ въ уѣздномъ городѣ. Кромѣ того, какъ уже было сказано, обстановка природы Они имѣетъ въ себѣ мало субтропическаго. Тотъ, кто хочетъ скорѣе видѣть настоящую Колхиду, долженъ спѣшить покинуть эту деревушку и, проѣхавъ къ югу, пересѣчь южный передовой хребетикъ, сложенный изъ доломитовъ—выпѣрыхъ изъ горизонтальнаго положенія складками горъ. Ріонъ прорѣзаетъ ихъ, образуя грандіозное ущелье, и, вырвавшись, выходитъ въ холмистую мѣстность, обрамлявшую бывшій заливъ Понта, нынѣ заполненную алювіемъ ріонскую низменность.

Здѣсь вы уже среди чисто колхидской обстановки. Вывѣтрѣлыя породы принимаютъ кирпично-красный цвѣтъ тропическихъ почвъ—латеритовъ. По склонамъ горъ красуются, какъ въ сѣверной Италіи, лѣса изъ настоящаго каштана. Вездѣ въ ущельяхъ виднѣется лавровишня, высокій древовидный понтический рододендронъ (*Rh. ponticum*). Душистая желтая азалея, жасмины и черничники образуютъ вмѣстѣ съ *Carpinus duinensis* и дубомъ густые дебри кустарника, а на сырыхъ низинахъ глянцевитая листва хурмы мѣшается съ высокоствольными ольхами, закутанными въ ліаны *Smilax*, *Periploca græsa* и дикаго винограда. Папоротникъ—*Pteris aquilina*, давая вайи до сажени длиною, образуетъ густыя сплетенія, еще болѣе непроходимыя отъ колючей дикой ежевики. Чѣмъ ближе къ Кутаису, тѣмъ чаще начинаютъ попадаться одичалыя полутропическія растенія, высокія деревья смоковницъ—*Ficus carica* и усыпанныя огненными цвѣтами гранатовыя деревья (*Punica granatum*), такъ-называемыя мимозы,—*Acacia julibrissim*. Какъ гдѣ-нибудь на Цейлонѣ, при наступленіи сумерокъ, влажно жаркій оранжерейный воздухъ наполняется тысячами летающихъ свѣтляковъ, придающихъ необыкновенную поэзію здѣшнимъ ночамъ. Въ ихъ сопровожденіи вы достигаете конечнаго пункта путешествія—Кутаиса, уже описывавшагося нами.

Заканчивая эти строки, я считаю, однако, необходимымъ замѣтить, что для дополненія картины, представляемой колхидской природой, необходимо заканчивать экскурсію не въ Кутаисъ, а въ Батумъ, который, все равно, долженъ быть конечнымъ пунктомъ русскаго туриста, желающаго вернуться на сѣверъ. Это наши русскіе тропики.